

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2024. 19(1): 95-107
DOI: 10.13187/bg.2024.1.95

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

A Little-Known Testimony on the Russian-Turkish War of 1828–1829: French Ambassador C. de Mortemart on the Balkan Front

Tatiana N. Goncharova ^{a, *}

^a Saint-Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

During the Russian-Turkish war of 1828–1829, which became the final stage of the Eastern crisis provoked by the Greek struggle for independence, the imperial cabinet perceived France as a potential support against the hostility of England and Austria. Appointed ambassador to Russia, general Casimir de Mortemart, was instructed to join emperor Nicholas I on the Balkan front in May 1828. He remained there five months and wrote 32 dispatches, hardly considered by historians to this day. Mortemart did not limit himself to mere observation, but also comments as an officer upon the miscalculations of the high command, which in the end deceived the hopes of the French government for a quick Russian victory over Turkey. He misses Napoleonic audacity in the conduct of operations. Moreover, he came to doubt the real forces and resources of the “northern colossus”, and warned his government against too many illusions. As a diplomat he takes a stronger view than his own government on the opportunity to support Russia against the British claim of a separation between the Balkan issue and the Greek one. Such an ambassador, who appears both as a would-be general-in-chief of the Russian army and would-be French minister of foreign affairs cannot but provide a specially interesting testimony.

Keywords: Russian-Turkish war 1828–1829, Balkan front, Casimir de Mortemart, French embassy, dispatches.

1. Введение

Аккерманская конвенция, подтвердив основные положения Бухарестского мира 1812 г., воспринималась в октябре 1826 г. как крупная победа царской дипломатии, хотя и не стала залогом добрососедских отношений между Российской и Османской империями. Султан Махмуд II видел в ней возможность завершить военную реформу, предпринятую с целью модернизации турецкой армии. С другой стороны, император Николай I не мог оставить нерешенным греческий вопрос, остро стоявший вследствие репрессий турецких властей против народа, вступившего на стезю национально-освободительной борьбы в 1821 г. Усиление турецких войск за счет египетских подкреплений под командованием Ибрагима-паши поставило восставших греков в отчаянное положение вследствие утраты ими большей части Мореи. В этих условиях Россия, Англия и Франция, заключив между собой Лондонскую конвенцию от 6 июля 1827 г., предложили Порте посредничество в примирении с Грецией на основе предоставления ей автономии.

Категорический отказ султана принять условия трех союзных держав привел в действие секретную статью, предусматривавшую принудительные меры. Сражение при Наварине 20 октября 1827 г. закончилось гибелью турецко-египетской флотилии, но Порты упорствовала в своем отказе пойти на переговоры. Возложив на царя вину в подстрекательстве греков к неповиновению, султан попытался внести раскол в ряды союзников. Аккерманская конвенция была денонсирована, проливы Босфор и Дарданеллы оказались закрыты для русской торговли, мусульмане услышали призыв к

* Corresponding author

E-mail addresses: t.goncharova@spbu.ru (T.N. Goncharova)

«священной войне» против неверных. Выждав заключения Туркманчайского мира с Персией, Николай I издал 26 апреля 1828 г. высочайший манифест «Об открытии войны с Оттоманскою Портою», которая стала девятой в череде русско-турецких войн.

Решимость императора покончить с нарушением Турцией российских прав и интересов вызвала неодинаковую реакцию Англии и Франции, где в январе 1828 г. произошла смена правящих кабинетов. В то время как английский премьер-министр А. Веллингтон сблизился с Австрией, известной своими протурецкими симпатиями, во Франции центристское правительство Ж.Б. Мартиньяка демонстрировало готовность к диалогу с Россией. Министр иностранных дел Огюст де Лаферронэ имел репутацию русофила, которая закрепилась за ним во время его посольства в Санкт-Петербурге (1819–1827) и подогревалась слухами об особом благоволении к нему со стороны императоров Александра I и Николая I (Гончарова, 2017: 144–146).

Оставленный вакантным после его отъезда из России пост посла Франции требовал замещения. В марте 1828 г. выбор пал на бригадного генерала Казимира-Луи-Викторньена де Рошешуара, герцога де Мортемара (1787–1875), выходца из старинного и знатного дворянского рода. Намерение Николая I принять участие в военной кампании побудило европейские дворы отправить своих представителей к главной квартире русской армии, которая в силу присутствия императора становилась центром принятия не только военных, но и политических решений. Таким образом, К. де Мортемару выпало исполнять свои посольские обязанности не в гостиных Санкт-Петербурга, а на главном театре военных действий России против Турции – Балканском.

Настоящее исследование имеет целью выяснить позицию Казимира де Мортемара по основным вопросам, порученным его наблюдению в ходе русско-турецкой кампании 1828 г., а также установить, имели ли его суждения какое-либо влияние на принятие политических и военных решений России и Франции. Тема статьи вписывается в рамки так называемой «новой дипломатической истории», которая уделяет преимущественное внимание роли дипломатов при реализации поставленных правительством задач, что является залогом ее актуальности.

2. Материалы и методы

В основу исследования положена обширная дипломатическая переписка посла К. де Мортемара из фондов Архива Министерства иностранных дел Франции, расположенного в парижском пригороде Ла Курнев. В томах 174 и 175 серии «Политическая корреспонденция: Россия», сформированных из подшитых в хронологическом порядке дипломатических реляций за январь-июль и август-декабрь 1828 г., автору удалось выявить тридцать две депеши Мортемара с Балканского фронта за период с 16 мая по 26 октября (АМАЕ, 1828, vol. 174, 175). Посол сумел обеспечить регулярное сообщение с Парижем, несмотря на военные условия, так что его донесения стали для французского правительства ценным источником сведений, как говорится, из первых рук. Однако медлительность доступных для дипломата того времени средств сообщения заключала в себе риск устаревания информации к моменту ее получения центральной администрацией в Париже. Следует иметь в виду, что для доставки депеш курьером между Балканским фронтом и Парижем требовалось не меньше 16-ти дней. Правительственные директивы также доходили до посла со значительной задержкой, что предоставляло ему возможность для проявления инициативы, оправдываемой лучшим знанием обстановки на месте. Надежды и опасения французских правящих кругов в ходе первой русско-турецкой кампании стали предметом изучения по инструкциям и письмам О. де Лаферронэ, которые хранятся в двух упомянутых выше томах серии «Политическая корреспонденция: Россия» (АМАЕ, 1828, vol. 174, 175).

Российский взгляд на военные и политические события, нашедшие отражение в депешах Мортемара, оказался доступен для анализа благодаря публикации документов по внешней политике России за период с января 1827 г. по октябрь 1828 г., включившей в себя переписку вице-канцлера К.В. Нессельроде с послом в Париже К. О. Поццо ди Борго (ВПр, 1992: 482–644).

К работе привлечены и частные письма Нессельроде, который сопровождал императора Николая I на Балканском театре военных действий, а также воспоминания сотрудников французского посольства Э. де Беарна и П. де Бургуэна (Lettres, s.d.: 1–119; Béarn, s.d.; Bourgoing, 1904: 160–247). Мемуары А. де Буань и Ф.-Р. де Шатобриана интересны содержащимся в них откликом на события Русско-турецкой войны и посольство Мортемара (Boigne, 1922: 198–207; Chateaubriand, 1910: 1–99).

В основу исследования положены как общенаучные, так и собственно исторические методы, среди которых большое значение имеют хронологический, биографический и сравнительный, позволяющие раскрыть содержание дипломатической переписки Мортемара в ее временной последовательности. Учитывались при этом личностные особенности посла и сопоставлялись его оценочные суждения с мнением современников и историков. Прежде чем приступить к анализу содержания депеш Мортемара с Балканского театра военных действий, потребовалось осуществить их перевод на русский язык, как и писем министра О. де Лаферронэ, в постоянном диалоге с которым находился посол, несмотря на трудности сообщения с Парижем. Некоторые из депеш Мортемара – весьма пространные, другие более лаконичные, но для всех характерна высокая степень информативности. Казалось бы, статус посла Франции позволял ему воспринимать военные действия

первой русско-турецкой кампании с позиции не вовлеченного в конфликт стороннего наблюдателя, что предполагает беспристрастность суждений. Тем не менее, депеши Мортемара несут в себе сильную эмоциональную окраску, которая диктовалась как заинтересованностью французского правительства в скорейшей победе России, так и военной компетентностью самого посла. Хорошо известные события военной истории России трактуются в них с точки зрения французских интересов, что позволяет взглянуть на них по-новому, с непривычного ракурса.

3. Обсуждение

В историографии Восточного кризиса 1820-х гг., вызванного греческим национально-освободительным движением против османского гнета, Русско-турецкая война 1828–1829 гг. рассматривается как завершающий его этап. Длительные дипломатические переговоры, предшествовавшие силовому решению назревших проблем, показали безрезультатность попыток императора Александра I урегулировать греко-турецкий конфликт коллективными усилиями держав Священного союза. Решимость молодого Николая I положить «скорый конец этому делу» посеяла тревогу в европейских канцеляриях (Татищев, 1887: 137). Великие державы опасались, что «греческий проект» Екатерины II получит, наконец, свою реализацию. Падение Константинополя было бы равносильно открытию ящика Пандоры. Посчитав, что самое эффективное средство для удержания России – связать ее узами двустороннего соглашения, премьер-министр Великобритании Дж. Каннинг инициировал подписание Петербургского протокола от 4 апреля 1826 г. Этот документ, предусматривавший возможность «общего или единоличного выступления в пользу Греции», трактуется в отечественной историографии как успех дипломатии Николая I (Фадеев, 1958: 139).

Известие о его подписании побудило Францию принять участие в разработке Лондонской конвенции, которая, подтвердив основные положения Петербургского протокола, позволила ей «играть активную роль в греческих делах» (Couderc, 2015: 63). Отвергая мнение о случайном характере битвы при Наварине, Э. Буржуа считал ее «преднамеренным объявлением Францией войны султану, тайно одобренным Карлом X и реализованным адмиралом (де Риньи – Т. Г.), в защиту греков» (Bourgeois, 1933: 757). Однако данное высказывание представляется слишком категоричным.

В трудах, посвященных русско-французским дипломатическим контактам, отмечается стремление императорского кабинета заручиться поддержкой Франции для сдерживания враждебных Англии и Австрии, тогда как позиция тьюльрийского кабинета, которой «не хватало определенности», состояла в лавировании между Россией и Англией (Жидкова, 2006: 76; Федосова, 1986: 68). В этом контексте внешнеполитическая деятельность О. де Лаферронэ оценивается как весьма успешная. Наметив для Франции роль арбитра в русско-турецком конфликте, он приложил усилия для удержания Англии в рамках Лондонской конвенции и организации французской экспедиции в Морею (Bertier de Sauvigny, 1963: 403-405). При этом французским историкам свойственно преувеличивать «российские амбиции» на Балканах, восхваляя роль Лаферронэ в их сдерживании (Bourgeois, 1933: 763).

Тема российских геополитических целей вместе с греческим вопросом и ходом военных действий нашла отражение в дипломатической переписке Мортемара. В этой связи в исследовании учтены наработки С. С. Татищева, А. В. Фадеева, Н. С. Киняпиной, О. В. Орлик, изучавших восточную политику Николая I, а также труды Г. фон Мольтке, Ж. Вальбера, Н. К. Шильдера, содержащие анализ стратегических и тактических просчетов, которые привели к необходимости второй кампании против Турции в 1829 г.

Что же до посольства К. де Мортемара на Балканском фронте в 1828 г., то приходится констатировать, что оно до сих пор не стало объектом специального интереса со стороны историков. Как правило, Мортемар лишь упоминается в числе других дипломатических представителей при главной квартире русской армии (Шильдер, 1903: 124). Пьер де Бургуэн, отдаленный потомок первого секретаря французского посольства, опубликовал в начале XX века пространные отрывки из депеш Мортемара, сопроводив их лишь очень поверхностным комментарием (Bourgoing, 1904: 23-157). Попадаются и слишком поспешные оценки дипломатической деятельности Мортемара. Ж.-Б. Капфиг охарактеризовал его как компетентного военного, но посредственного дипломата, который «видел и чувствовал все на русский манер». «Подпав под очарование императора Николая, который щедро одаривал его знаками внимания, он афишировал энтузиазм по отношению к монарху, который был к нему столь добр» (Capefigue, 1848: 541). Тем самым Мортемару ставилось в упрек транслирование российского видения проблем. Как представляется, напрасно, ведь именно этой информации от него и ожидало французское правительство. Что же до восторженного отношения посла к Николаю I, то этот тезис опровергается последующим изложением результатов исследования, в ходе которого депеши Мортемара за пять месяцев его пребывания при главной квартире русской армии подверглись целостному рассмотрению и осмыслению.

4. Результаты

На момент назначения послом К. де Мортемару исполнился 41 год. За его плечами было участие в наполеоновских кампаниях, включая Русский поход 1812 г. Офицер Почетного легиона и

барон империи, он состоял при Наполеоне ординарцем в 1813 г. Первая Реставрация вернула ему титул герцога, возвела в пэры Франции и назначила командиром сотни швейцарцев королевской гвардии. В период «Ста дней» 1815 г. Мортемар остался верен Бурбонам, вследствие чего Вторая Реставрация возвела его в звание бригадного генерала Национальной гвардии Парижа. По свидетельству графини де Буань, при дворе Карла X «он был настоящий феникс» (Boigne, 1922: 200). В отличие от короля, известного своей реакционностью, Мортемар придерживался умеренных взглядов, сторонился политических партий и проявил себя как приверженец консенсуса между роялистами, либералами и бонапартистами (Capefigue, 1848: 537-540).

Опытный военный, Казимир де Мортемар, был новичком в дипломатии. Однако последнее обстоятельство не помешало его назначению послом в Россию. В 1828 г. боевой опыт был необходим для того, чтобы «оценить ход войны, результаты которой могли столь серьезным образом сказаться на балансе европейской политики» (Béarn, s.d.: 3). Личные предпочтения Николая I также брались в расчет, как свидетельствует письмо Лаферронэ, адресованное вице-канцлеру К. В. Нессельроде: «Герцог де Мортемар является воплощением чести, искренности и верности; как мне кажется, именно таким нужно быть, чтобы понравиться императору...» (Lettres, s.d.: 11).

Посол К. де Мортемар должен был сообразовывать свое поведение и действия с инструкциями от 15 мая 1828 г., подписанными Лаферронэ и завизированными Карлом X. Из них следовало, что Франция придавала большое значение сохранению союза трех держав на основе Лондонской конвенции в условиях, когда Англия заявила о невозможности дальнейшего сотрудничества с Россией в деле умиротворения Греции. Лаферронэ выражал желание быстрой победы России над Турцией и заключения мира на умеренных условиях в соответствии с декларацией российского МИД от 26 апреля, разосланной в европейские столицы. Мортемару поручалось заверить Николая I от имени короля Франции о его «решимости остаться в союзе с Россией и помогать ей своим влиянием настолько это будет от него зависеть» (АМАЕ, 1828, vol. 174: 158). Тем не менее отдельные фразы свидетельствовали о недоверии тюильрийского кабинета к заверениям царя об отсутствии у него завоевательных намерений на Балканах. Отмечая постоянное расширение границ Российской империи, подтверждением чего стало включение в ее состав Ереванского и Нахичеванского ханств по итогам войны с Персией, Лаферронэ не исключал возможности новых захватов, «если дряхлая Османская империя развалится от первых же ударов». В связи с этим посольство Мортемара определялось как «очень трудное» (АМАЕ, 1828, vol. 174: 155, 157). Предписав послу исключительно дружескую линию поведения, Лаферронэ вменял ему в обязанность писать всякий раз, как у него будет что сообщить.

Выехав из Парижа 1 мая 1828 г., К. де Мортемар въехал в Российскую империю через Царство Польское, где ему встретились бывшие товарищи по оружию среди поляков, воевавших в 1812 г. в составе наполеоновской армии (Goncharova, 2020: 587). Остановившись в Варшаве на двое суток, он удостоился аудиенции великого князя Константина Павловича и присутствовал на военном параде. Первое донесение Мортемара в Париж было датировано 16 мая из Варшавы. Он отмечал в нем, что польская армия живет обычной гарнизонной жизнью (АМАЕ, 1828, vol. 174: 180). К этому времени желание Николая I привлечь поляков к участию в боевых действиях на Дунае разбилось об упорное сопротивление цесаревича под предлогом защиты западных рубежей от провокаций (Шильдер, 1903: 116-118). Последующий путь Мортемара пролегал через Волынь и Подолье. После переправы через Днестр, он оказался в Бессарабии, перешедшей к России по Бухарестскому миру.

Посольство К. де Мортемара при главной квартире русской армии довольно четко делится на четыре периода: 1) от прибытия в Бендеры до переправы через Дунай; 2) от пребывания в Болгарии до отбытия в Одессу; 3) от нахождения в Одессе до отплытия к Варне; 4) от прибытия под стены осажденной Варны до отъезда в Одессу. Целесообразно поэтому представить анализ депеш посла, следуя хронологии указанных периодов.

Мортемар прибыл в главную квартиру русской армии 25 мая, когда она находилась в Бендерах. К этому времени прошло две с половиной недели с момента начала военных действий. 2-я армия, получившая название Дунайской, заняла без кровопролития Яссы и Бухарест. Император находился «среди войск 2-й армии, не принимая главного начальства над ней» (Шильдер, 1903: 123). Командование было вверено генерал-фельдмаршалу П. Х. Витгенштейну.

26 мая Мортемар удостоился личной аудиенции Николая I, который говорил с ним запросто как «генерал Романов» и аккредитовал его в походных условиях без церемониала вручения верительных грамот. Император говорил о тревоге, внушаемой ему нестабильностью внутривосточной ситуации во Франции и слухами о разлагающем влиянии Конгрегации на французскую армию. В последнем случае молодые офицеры, поступившие добровольцами в ряды русских войск, А. де Ларошжаклен, племянник предводителя вандейских роялистов, Ш. де Лаферронэ, сын министра иностранных дел, и Ш. де Фитц-Джеймс, сын известного в филэллинских кругах Э. де Фитц-Джеймса, служили послу наилучшим аргументом для опровержения порочащих французскую армию слухов (АМАЕ, 1828, vol. 174: 192-193, 323, 342; vol. 175: 11).

Более того, в конце июня Мортемар взял на себя решение об откомандировании двух сотрудников посольства в ряды русской армии. При Мортемаре на тот момент находились первый

секретарь Поль де Бургуэн и три атташе: Эктор де Беарн, Анри де Мортемар, Жеро де Крюссоль, которые прибыли вместе с ним в Россию. Всего на «военное посольство», по выражению П. де Бургуэна, приходилось в походных условиях пять палаток. Согласно его воспоминаниям, «по приказу нашего посла мы считали делом чести быть в числе первых, кто привел себя в боевую готовность и прибыл верхом на сбор рядом с императорской палаткой» (Bourgoing, 1904: 179). Однако со временем слишком многолюдная главная квартира стала обузой при перемещениях, вследствие чего император предложил дипломатам-офицерам вступить в ряды армии либо остаться в тылу. П. де Бургуэн и Ж. де Крюссоль изъявили желание принять участие в военных действиях, в результате чего первый из них отправился в распоряжение генерала Л.О. Рота для участия в осаде Силистрии, второй поступил под командование принца Оранского. Воинственный энтузиазм офицеров-добровольцев рассматривался как способ реабилитации французской армии в глазах Николая I, вследствие чего посол не упускал случая упомянуть о проявленной ими храбрости (АМАЕ, 1828, vol. 174: 192-193).

Первые пять депеш Мортемара после его прибытия к главной квартире русской армии были написаны 25 и 27 мая в Бендерах; 29 мая, 10 июня (№4 и 5) и 12 июня в лагере при селении Сатунова. Первоочередной задачей посла было войти в доверие к Николаю I. С этой целью Мортемар взял за правило сопровождать свои депеши армейскими бюллетенями, находя сообщаемые в них факты достойными доверия. Император должен быть уверен в том, писал он министру, что «принятый в палатки и ряды его армии посол Франции не настроен на придирчивую критику» (АМАЕ, 1828, vol. 174: 218). Впрочем, французский посол сразу пришелся ко двору. 1 июня, по окончании военного смотра в местечке Болград, он сидел по правую руку от Николая I на званом ужине, что воспринималось как знак особого благоволения (Béarn, s.d.: 38).

В первых донесениях много внимания уделялось откровенным беседам, которые Николай I вел с Мортемаром наедине на темы, вызывавшие его обеспокоенность. Громоздкие обозы с запасами провизии, питьевой воды и палаток, а также весеннее разлитие Дуная сдерживали продвижение русской армии (АМАЕ, 1828, vol. 174: 193-195). Целый месяц подготовительных работ по сооружению гати понадобился для того, чтобы 3-й корпус смог переправиться через нижний Дунай при Сатунова. Разгадав намерение русского командования, противник укрепился на высоком противоположном берегу. Мортемар был свидетелем того, как 8 июня два казачьих отряда переправились на лодках на правый берег и отбросили турок, так что те вынуждены были отступить в крепость Исакчу, которая капитулировала без сопротивления. По словам Нессельроде, французский посол, как и все военные в главной квартире, считал эту операцию по форсированию Дуная очень рискованной (Lettres, s.d.: 22). Николай I имел все основания думать, что ему крупно повезло (АМАЕ, 1828, vol. 174: 253-254). «Горстка казаков и егерей сумела обратить в позорное бегство 10 000 человек, кто мог такое предвидеть?» – изумлялся впоследствии военный эксперт Г. фон Мольтке, полагая, что безрассудная отвага и казачьи лодки явились в данном случае слагаемыми русского успеха (Moltke, 1854: 70). После того, как правый берег оказался под контролем, инженерные войска смогли приступить к возведению наплавного моста через Дунай, по которому совершилась 12 июня переправа 3-го корпуса и обозов.

За годы службы в наполеоновской армии Мортемару пришлось повидать немало инженерных сооружений через реки. Тем не менее, наплавной мост через Дунай поразил посла грандиозностью размеров и надежностью конструкции (АМАЕ, 1828, vol. 174: 219). Передислокация основных сил 2-й армии на правый берег Дуная представляла собой знаменательное событие, после которого Мортемар отправил в Париж курьера Драгона, вверив ему проникнутые оптимизмом депеши за начальный период своего пребывания при главной квартире. Сам посол переправился через Дунай 13 июня вместе с главной квартирой (АМАЕ, 1828, vol. 174: 264).

Девять депеш за второй период пребывания Мортемара при русской армии были написаны в Болгарии: одна в лагере при Каратай 18 июня; четыре – в лагере при Карассу 25 и 27 июня, 2 и 5 июля; две – под Базарджиком 14 и 15 июля, две – под Шумлой 24 и 29 июля. Дольше всего императорская квартира оставалась в селении Карассу – около трех недель. Ожидали, пока к авангарду под командованием Ф. В. Рюдигера подтянутся корпуса, задействованные на осаде крепостей, расположенных на «полуострове» между Дунаем, Черным морем и укреплением Траяна (АМАЕ, 1828, vol. 174: 265).

Первыми капитулировали крепости Браилов и Мачин на левом и правом берегу Дуная, что предоставило в распоряжение русской армии второй пункт для переправы через реку, а также возможность установления линии сообщения с Валахией (АМАЕ, 1828, vol. 174: 266). Последовала капитуляция Кюстенджи на черноморском побережье и Хыршова – в западной части Добруджи. После капитуляции Тульчи, которой турки присвоили название «Маленький Измаил», Россия получила полный контроль над северной частью Болгарии (АМАЕ, 1828, vol. 174: 286). Во время длительного пребывания главной квартиры в Карассу Мортемар смог посетить Кюстенджи в обществе генерала К. Х. Бенкендорфа и служащего дипломатического ведомства А. Ф. Матушевича. Сообщая об этой прогулке посла к Черному морю, Нессельроде отмечал в частном письме: «Он с нами на дружеской ноге, без церемоний, но признаюсь искренне, по-моему, ему недостает способностей; что же до обходительности, нам придется часто сожалеть о Лаферронэ» (Lettres, s.d.:

36-37). Вероятно, в глазах дипломата старой закалки Мортемару недоставало внешнего лоска. Что же до Николая I, известного своим пристрастием к военному поприщу, то солдатская прямота французского посла пришлась ему по душе настолько, что, по словам Нессельроде, он с каждым днем проникался к нему все большим расположением (*Lettres, s.d.: 21, 36*).

Как признавался сам Мортемар, более всего он ценил разговоры, которые ему случалось вести с императором во время верховой езды: «Я тогда больше в привычной мне среде, более энергичный, раскованный и предприимчивый. Его Величество относится ко мне со всей доверительностью, которую стараюсь заслужить абсолютной откровенностью относительно всего, что имеет отношение к его армии и планам операций». Посол приводил в пример свои высказывания против «некоторых административных распоряжений и тактики каре» (*АМАЕ, 1828, vol. 174: 282, 283*). В июне Мортемар предложил комбинацию сухопутной и морской операций: оставив 25-тысячный корпус для наблюдения за Шумлой, часть армии отправилась бы морем на захват плохо укрепленного Бургаса, в то время как другая ее часть должна была наступать на Айдос и Карнобат. Перейдя через Балканский хребет и захватив эти две позиции, она произвела бы соединение с высадившимися в Бургасе силами, что позволило бы русским угрожать Адрианополю и Константинополю (*АМАЕ, 1828, vol. 175: 128*). Однако этот план не был утвержден. Вероятно, его сочли слишком дерзким.

В начале июля в донесениях Мортемара появляются первые критические высказывания в адрес командования русской армией. В них отмечается стремление «беречь сверх всякой меры преувеличенные силы империи» (*АМАЕ, 1828, vol. 174: 283*). Недостаточное количество задействованных контингентов вынудило авангард провести пятнадцать дней в ожидании, пока падут турецкие крепости, и лишило армию возможности попытаться счастья в генеральном сражении. Гвардия и 2-й корпус генерал-адъютанта А. Г. Щербатова ожидались в качестве подкрепления не ранее конца августа. Однако стойкость и дисциплина русских солдат и офицеров как во время переходов, так и в сражениях вызвали восхищение посла, тем более, что продвигаться и вести осадные действия приходилось под палящим солнцем, когда столбик термометра поднимался до отметки в 44 градуса (*АМАЕ, 1828, vol. 174: 343*).

Упорное сопротивление турок было воспринято с удивлением во Франции. Лаферронэ высказывал опасения насчет того, что война окажется более трудным и длительным предприятием, чем предполагалось вначале. Министр беспокоился, что если победа не будет одержана «в этом году» и встанет вопрос о второй кампании, то «маски спадут, Турция получит союзников в лице Англии и Австрии и Европа заполюхает» (*АМАЕ, 1828, vol. 174: 320*). На Мортемара возлагалась задача убедить Николая I в необходимости быстрых успехов. Что же до самого посла, то в июне-июле он сохранял позитивный настрой, полагая, что «кампания... все еще представляется в благоприятном свете», несмотря на потерю времени (*АМАЕ, 1828, vol. 174: 287, 343*).

В июле русская армия продвинулась вглубь болгарской территории, поставив себе целью захват крепостей второй линии: Варны, Праводы, Силистрии. Важнейшей целью военных действий изначально планировался захват Варны. Однако после взятия Базарджика было принято решение нацелиться на захват Шумлы, куда были стянуты значительные силы противника под командованием Хуссейна-паши (*АМАЕ, 1828, vol. 174: 343*). Расположенная у подножия крутого Балканского предгорья, крепость имела репутацию неприступной. Французский офицер главного штаба В. Манье, сравнивая позицию Шумлы с подковой, считал возможным «действовать только бешеной атакой или простым окружением» (цит. по: *Bourgoing, 1904: 62*).

Мортемар высказывался в пользу быстрых и энергичных действий против турок для того, чтобы установить над ними моральное превосходство. Затяжная и изнурительная осада позволяла противнику укрепить веру в свои силы. Турецкая армия имела репутацию искусной в обороне. За крепостными стенами турецкий солдат обретал «невероятное бесстрашие загнанного кабана, вспарывающего живот охотнику, осмелившемуся проникнуть в его логово» (*Valbert, 1877: 215*). Опыт наполеоновских кампаний укреплял убежденность Мортемара в необходимости быстрого натиска. 20 июля русской армии удалось овладеть турецким укреплением перед Шумлой. Результат сражения позволял предаваться самым оптимистичным надеждам: «Местоположение Шумлы и ее укрепленный лагерь подвергнуты осаде со стороны равнины; вскоре дорога на Константинополь будет отрезана, и тогда можно будет заняться атакой на верховья Балкан, которые господствуют над всей позицией» (*АМАЕ, 1828, vol. 174: 356*). Однако вместо активизации военных действий Николай I покинул лагерь под Шумлой 2 августа, добрался до окрестностей Варны и отправился морем в Одессу.

Третий период посольства Мортемара можно условно начать с депеши, написанной в день отбытия императора и частично зашифрованной. В открытой ее части говорилось, что Николай I объяснил свой отъезд в Одессу необходимостью руководить продвижением гвардейских корпусов, которые были уже на подходе к Дунаю. По мнению Мортемара, настоящей причиной стали «настойчивые просьбы» императрицы Александры Федоровны, находившейся в Одессе. Во всяком случае, «данный отъезд не может быть мотивирован страхом поражения или неудачи русской армии», – заключал он (*АМАЕ, 1828, vol. 175: 12-15*). Иностранные дипломаты покинули позиции перед Шумлой вслед за императором 3 августа, держа путь к Кюстенджи, где поднялись на фрегат «Штандарт», доставивший их в Одессу.

По дороге в Кюстенджи дипломатам вместе с сопровождавшим их эскадроном гвардейских казаков пришлось преодолеть не одну сотню километров в условиях палящего солнца, недостатка питьевой воды и множества насекомых. Лошади, не имея возможности утолить жажду, падали замертво. Согнанные с насиженных мест болгары промышляли разбоем. Многие селения полыхали в огне. Ени-Базар и Базарджик были наполнены больными и ранеными, а также разлагавшимися трупами домашнего скота. В депеше от 7 августа, написанной в окрестностях Базарджика, Мортемар указывал на то, что чума, называемая «бухарестской болезнью», «наносит большой ущерб и распространяется во многих деревнях, до берегов Дуная»; «пятая часть армии больна», высока смертность (АМАЕ, 1828, vol. 175: 20).

Дипломатический корпус прибыл в Одессу в середине августа, спустя неделю после Николая I. Пребывание Мортемара в этом портовом городе растянулось на полтора месяца, свидетельством чему были депеши, датированные 17, 19, 26, 28, 31 августа, а также 6, 15, 17, 23, 29 сентября 1828 г. В августе пошатнувшееся состояние здоровья Лаферронэ потребовало его отъезда на воды Карлсбада для лечения. На протяжении двух с половиной месяцев его отсутствия в Париже Жерар де Райневаль исполнял обязанности министра иностранных дел (Bourgeois, 1933: 768). Тем не менее Мортемар по-прежнему адресовал свои депеши на имя Лаферронэ, который направлял послу письма, служившие для последнего руководством к действию.

В депешах одесского периода явственно проступало неодобрение Мортемаром «поспешного и неожиданного отъезда» Николая I из действующей армии, которое повергло русских солдат в уныние, тогда как турки, наоборот, расхрабрились (АМАЕ, 1828, vol. 175: 14, 20, 71). Но более всего посол был раздосадован тем, что царь пренебрег его советами приступить к штурму Шумлинской твердыни: «...я был настойчив, но страх подвергнуть опасности жизни своих солдат в то время, как он считает возможным достигнуть той же цели иначе, заставил его предпочесть более медленный путь, который показался ему столь же надежным» (АМАЕ, 1828, vol. 175: 42). Русская армия осталась под стенами Шумлы, блокируя крепость со стороны равнины, но болезни косили ее ряды. К концу августа количество госпитализированных возросло до 10 000 или 12 000 (АМАЕ, 1828, vol. 175: 72).

В депешах из Одессы Мортемар отмечал, что полностью полагается «на храбрость русских войск», но не имеет той же самой уверенности «в силе и талантах большинства командующих», фамилии которых предпочитал не называть (АМАЕ, 1828, vol. 175: 46). «Император оказался обманут относительно количества войск, необходимых для военной кампании, – сетовал посол. – Опасение войти в противоречие с видами Его Императорского Величества, зависть и соперничество между некоторыми командующими парализуют энергию армии и много раз скомпрометировали или остановили успешный ход операций» (АМАЕ, 1828, vol. 175: 71-72). Мортемар имел в виду отсутствие единого главнокомандования. По причине присутствия Николая I при армии последнее слово в принятии военных решений оставалось за ним, в то время как П. Х. Витгенштейн «был оттеснен приближенным к царю начальником Главного штаба И. И. Дибичем» (Орлик, 1998: 107-108).

В начале сентября Николай I принял решение вернуться на фронт. По свидетельству Мортемара, накануне отъезда царь признал свои ошибки в разговоре с ним: «Меня обманули перед Шумлой: Ностиц и Вы были правы. Но маршал...» (АМАЕ, 1828, vol. 175: 76). Упомянутый в цитате прусский генерал А. фон Ностиц разделял критическое отношение французского посла к стратегии и тактике ведения боевых действий верховным командованием. Николай I предпочитал перекладывать ответственность на фельдмаршала Витгенштейна. Н. К. Шильдер, биограф Николая I, склонен винить в неудачах первой кампании И. И. Дибича, по совету которого была допущена «непоправимая ошибка двинуть основные силы русской армии к Шумле» вместо того, чтобы атаковать Варну (Шильдер, 1903: 143). Г. фон Мольтке также полагал, что именно Варна благодаря своей прибрежной ситуации, позволяющей получать снабжение морем, являлась необходимой базой для дальнейших наступательных действий (Moltke, 1854: 117-120). В августе Николай I в полной мере осознал все преимущества Варны перед Шумлой, отдав приказ о направлении туда гвардейских полков. Что же до Мортемара, то в его депешах отсутствует критика сосредоточения основных сил перед Шумлой. Его пожеланием были энергичные действия русской армии. Выбор крепости для штурма его заботил гораздо меньше. По его мнению, Варну, как и Шумлу, необходимо было незамедлительно атаковать.

28 августа, обращаясь к Нессельроде, Мортемар сетовал на бесполезную потерю времени в Одессе. «Вы могли бы завоевать все шесть недель назад, и эти шесть недель стоили вам больше солдат, чем взятие Шумлы. Вот гвардия прибыла; император возвращается к армии, надеюсь, не для того, чтобы устроить ей смотр» (АМАЕ, 1828, vol. 175: 57). Посол надеялся, что прибытие Николая I к Варне совпадет с моментом решительной атаки, которая позволит завоевать мир осенью 1828 г. Но в целом к этому времени Мортемар вынес уже твердое убеждение в том, что «русская армия 1828 года ни в чем не походит на армию 1806, 1807 годов» (АМАЕ, 1828, vol. 175: 127). Воюя в составе наполеоновских войск, он был свидетелем недюжинной отваги, которую демонстрировала русская армия в ходе четвертой антифранцузской коалиции. Двигавшие ею воодушевление и военный азарт вызывали восхищение противника даже при том, что ей приходилось терпеть поражения.

Надежды Мортемара на то, что дипломатический корпус отправится к Варне незамедлительно вслед за императором, не осуществились. Ему, как и остальным дипломатам, пришлось задержаться в

Одессе еще на 26 дней. В письме французскому послу от 18 сентября Нессельроде ссылаясь на недостаток места на борту флагманского корабля «Париж», на котором разместились император и часть главной квартиры на рейде Варны (АМАЕ, 1828, vol. 175: 133). Между тем продолжительное пребывание в Одессе производило неприятное впечатление на членов дипломатического корпуса, порождая догадки о том, что их удерживают вдали от линии фронта для того, чтобы скрыть бедственное положение русской армии. «Держу пари, – писал Мортемар, – что в Австрию и Англию докладывают о том, что “северный колосс – пигмей за пределами своих владений, что стоит только его щелкнуть по протянутым рукам для того, чтобы заставить их убраться обратно в свою раковину...”» (АМАЕ, 1828, vol. 175: 127).

Более всего подозрений в язвительной недоброжелательности вызывал английский посол лорд Хейтсбери, с которым Мортемар впервые встретился в Одессе, получив тем самым возможность выполнить поручение Лаферронэ, изложенное в письме от 9 июня. В нем министр сообщал о том, каких больших усилий стоило ему добиться согласия британского кабинета на совместные действия трех держав в Эгейском море, называя их «моя осада Браилова». Подозревая Лондон в двойной игре, Лаферронэ поручил Мортемару выяснить его истинные намерения посредством сближения с Хейтсбери, которого отрекомендовал как «Геракла английской дипломатии» (АМАЕ, 1828, vol. 174: 323). Конфиденциальная депеша Мортемара от 31 августа подтвердила подозрения министра. В ней сообщалось о том, что во время бесед на военные темы он уловил у Хейтсбери «некое выражение злорадства», выдававшее испытываемое им удовлетворение от критических замечаний в адрес русской армии (АМАЕ, 1828, vol. 175: 73). Англия не переставала уповать на то, что ей удастся лишить Россию французской поддержки.

В переписке посла с министром поднималась и тема заявлений Николая I об отсутствии у него завоевательных намерений на Балканах. «С моей стороны, – писал Лаферронэ, – доверие безгранично, потому что я знаю императора и верю его слову, как слову Франциска I» (АМАЕ, 1828, vol. 174: 236). Несмотря на кажущуюся серьезность тона, фраза источала сарказм. Лаферронэ опасался вступления Николая I в тайный сговор с Англией и Австрией за спиной Франции. Его подозрения подкреплялись письмом Дж. Каннинга от 1824 г., в котором говорилось, что Англия готова подписаться под уничтожением Османской империи «при условии, что Россия не получит выхода в Средиземное море, Франция не приобретет никакой компенсации, Австрия значительно увеличит свою мощь, территорию и население» (АМАЕ, 1828, vol. 174: 237). Обладая лучшим знанием ситуации изнутри, Мортемар несколько не разделял тревожные предчувствия министра: «...мне удалось заметить, что император не испытывает страстного увлечения войной и уже ею утомлен, что если случайно в самом начале у него и были какие-то мысли о возможности разрушения и раздела турецких владений в Европе, то теперь другие желания наполняют его душу и все они направлены к почетному миру, уюту семейной жизни и необходимости реформировать злоупотребления администрации его обширной империи» (АМАЕ, 1828, vol. 174: 282).

Впрочем, в августе Мортемар пришел к мысли о том, что для Франции неразумно делать ставку на тесный союз с Россией, которая «несколько не обладает приписываемыми ей силами и ресурсами». В этой связи он советовал своему правительству «более, чем когда-либо стремиться к сохранению нашего союза с другими державами, чья враждебность была бы для нас более губительной, чем вся польза, которую мы можем извлечь из русской дружбы» (АМАЕ, 1828, vol. 175: 71, 73). Посол имел в виду упования части правящих кругов на возвращение Бельгии и левого берега Рейна при содействии России в обмен на поддержку ее восточной политики (Sorel, 1883: 98-99). Их утопичность была для него очевидна, так как они вступали в противоречие с интересами Англии и Пруссии, в то время как Россия, связанная с последней тесными узами, не была заинтересована в пересмотре статус-кво (Frémeaux, 2014: 84).

В свете вышесказанного Мортемар придавал крайне важное значение успеху французской экспедиции в Морею, решение о которой было принято на Лондонской конференции 19 июля (Driault, 1925: 409). Лаферронэ поручил ему склонить Николая I к заявлению о том, что французская экспедиция в Морею освобождает его от взятого на себя обязательства сложить оружие только после того, как султан выполнит условия Лондонской конвенции. Понимая, насколько это непростое задание, министр определил успех в его выполнении как дипломатическую победу, которая укажет на таланты Мортемара на новом для него поприще (АМАЕ, 1828, vol. 174: 384). Данное поручение еще раз доказывает, что посредством своей экспедиции в Морею Франция желала не только присвоить себе главную роль в освобождении Греции, но и действовала в духе английских настояний об урегулировании восточных дел без российского участия (Федосова, 1986: 69). Однако Мортемар отказался выполнять полученное задание. В депеше от 19 августа он откровенно высказал свое неодобрение идеи вынудить царя отречься от намерения участвовать в решении греческого вопроса. Отстаивая свою точку зрения, посол приглашал министра вообразить, какое впечатление произведет требуемое от Николая I заявление на «дикий ум султана; он возомнит себя победителем России...», и в случае, если «Россия и Порта заключат мир, кто сможет поручиться за судьбу нашей экспедиции в Морею!» (АМАЕ, 1828, vol. 175: 47). Впрочем, Мортемар почти точь-в-точь повторял риторические вопросы Нессельроде из депешы, адресованной Поццо ди Борго 13 июня 1828 г.: «Сможем ли мы

заклучить мир, не решив греческого вопроса? Сможем ли мы подвергнуть себя риску новой войны для решения этого вопроса? Сможем ли мы, не решив этот вопрос, оставить непрременную причину разрыва, который последует через несколько дней после нашего примирения? А что выиграет Европа, проводя столь узкую и недалновидную политику?» (АМАЕ, 1828, vol. 174: 260).

Впрочем, в августе и сентябре Мортемар не исключал возможность того, что турки «смогут купить его (Николая I – Т. Г.) определенными уступками и договором, который нарушат, как только пожелают» (АМАЕ, 1828, vol. 175: 74). В таком случае велик был риск, что султан направит высвободившиеся силы в Морею, вследствие чего посол призывал свое правительство держать наготове подкрепления для Н. Ж. Мэзона, поставленного во главе французского экспедиционного корпуса (АМАЕ, 1828, vol. 175: 130). Когда он 17 сентября излагал эти тревожные предположения, эвакуация войск Ибрагима-паши из Мореи уже шла полным ходом на египетских судах в сопровождении эскорта из французских и английских кораблей.

Между тем надежды Мортемара на то, что прибытие Николая I к блокированной с моря и с суши Варне совпадет с решительным штурмом крепости, не оправдались. В депеше от 29 сентября он констатировал отсутствие позитивных перемен. Тяжелое санитарное состояние армии ощущалось в Одессе: «...корабль, который доставляет больных из Варны сюда, бросает шестую часть в море». Николаев, Херсон, Севастополь, Одесса превратились в гигантские лазареты. «Армия обескуражена, народ недоволен, дворянство и коммерция говорят во всеуслышание, что присутствие императора парализует все. Конец кампании не обещает быть удовлетворительным», – делал неутешительный прогноз Мортемар (АМАЕ, 1828, vol. 175: 155, 157). В тот же день линейный корабль «Пантелеймон» прибыл в Одессу со специальным заданием доставить дипломатов в распоряжение русских войск.

Четвертый период посольства Мортемара условно начался 7 октября, с момента его прибытия под осажденную Варну (Lettres, s.d.: 105). В сущности, дипломатический корпус получил приглашение присутствовать при взятии этой крепости, которая капитулировала 11 октября. Факт сам по себе знаменательный, так как русской армии впервые за всю историю ее войн против Турции удалось захватить Варну. Депеши, написанные Мортемаром на борту «Пантелеймона» с рейда Варны, датированы 10, 12, 14 октября. Последние донесения «военного посольства» от 19 и 26 октября имели местом написания Севастополь и Одессу.

По прибытии к Варне Мортемар в сопровождении Э. де Беарна ходил на осмотр осадных работ, спукался в траншею, надев на себя солдатскую шинель и каску. «Без всякого сомнения, крепость была бы сегодня в руках русских, не будь категорического запрета императора на генеральный штурм. Наименее прикрытая часть города представляет сегодня лишь груды развалин», – делился он своими впечатлениями (АМАЕ, 1828, vol. 175: 197).

В депеше, написанной на следующий день после капитуляции Варны, Мортемар обращал внимание на раскол среди верховного командования ее гарнизона. В то время как комендант крепости Юсуф-паша сдался на милость победителя со своими сторонниками 10 октября, капудан-паша Изет-Магомет удалился в цитадель, продолжая сопротивление до тех пор, пока не выговорил себе свободный выход из города в сопровождении вооруженного конвоя. Упомянутое поражение Юсуфа-паши дало основание отдельным французским комментаторам утверждать, что предательство работало на русских, открыв перед ними крепостные ворота (Valbert, 1877: 216). Мортемар не скрывал своего восхищения стойкостью защитников Варны, выдержавших трехмесячную осаду: «...невозможно обороняться красивее, продолжительнее и непостижимее в столь слабой крепости, которую у нас объявили бы непригодной для обороны» (АМАЕ, 1828, vol. 175: 199).

После взятия Варны Мортемар надеялся, что российское командование последует его совету выступить в поход в ночь на 12 октября для того, чтобы напасть под утро на Омера-пашу Вриони, стоявшего на дороге в Айдос, и блестящей операцией деморализовать турецкую армию. Наполеон поступил бы именно так для того, чтобы извлечь максимум выгоды из победы. Однако царь в очередной раз не последовал его совету. Омер-паша совершил поспешное отступление после того, как русские знамена взвились над развалинами Варны (АМАЕ, 1828, vol. 175: 199-200). Из осмотра крепостных сооружений Мортемар вынес впечатление упущенных возможностей. Посетив лагерь Омера-паши, он нашел его настолько слабо укрепленным, что «хорошо проведенная операция...вынудила бы этого военачальника сложить оружие или вступить в сражение столь неблагоприятное, что все его войска были бы в нем разбиты, не будучи в состоянии совершить отступление» (АМАЕ, 1828, vol. 175: 208).

Взятием Варны завершилась первая кампания Русско-турецкой войны. Позднее время года не позволяло углубиться в горные теснины Балкан. «Армия понесла многочисленные потери, император устал и отдает себе отчет в многочисленных ошибках, допущенных его генералами», – сообщал Мортемар своему правительству (АМАЕ, 1828, vol. 175: 197). 14 октября корабль «Императрица Мария» с Николаем I на борту отплыл из Варны в направлении Одессы. Император торопился прибыть в Гатчину к 26 октября, дню рождения императрицы-матери. Дипломатический корпус последовал за ним на «Пантелеймоне». В ходе плавания к берегам Одессы обоим кораблям пришлось выдержать черноморский шторм редкой силы. Вода, залившая каюту Мортемара, привела в негодность записи и чертежи, предназначавшиеся им для военного министерства (АМАЕ, 1828,

vol. 175: 224). Воспользовавшись остановкой корабля в порту Севастополя для ремонта полученных повреждений, он совершил трехдневное путешествие по южному берегу Крыма, после чего прибыл в Одессу 24 октября, а оттуда отправился в Париж.

Приняв самостоятельно данное решение, Мортемар обращал внимание своего руководства на то, что оно полностью соответствовало пожеланиям Николая I, который хотел, чтобы посол лично заверил французское правительство в наличии у России достаточных сил для второй кампании, которая планировалась на весну 1829 г. (АМАЕ, 1828, vol. 175: 198, 205). Действительно, в условиях активизации Австрии, принявшей распространять «слухи об ограниченных возможностях России», и Англии, возражавшей против блокирования Дарданелл российской эскадрой, правительство Мартинакья нуждалось в ободрении (Орлик, 1998: 110). Достигнутая с большим трудом капитуляция Варны не могла сгладить негативное впечатление от нерешительной первой кампании. И даже блестящие победы, одержанные на Кавказском фронте, не могли спасти ситуацию. Осенью 1828 г. французские публицисты, по свидетельству Ф. Р. де Шатобриана, проникшись сочувствием к отчаянному сопротивлению турок, «позабыли о благородном деле Греции» (Chateaubriand, 1910: 63).

Однако все это были спекуляции, в то время как Мортемар лично присутствовал при боевых действиях, что придавало его свидетельству особое значение, как и Георгиевский крест 4-й степени, врученный ему Николаем I. По словам графини А. де Буань, зимой 1828–1829 гг. ему случалось в частных разговорах признаваться в своем разочаровании в военных способностях Николая I. «Будучи доверительно к кому-то расположен, Мортемар приписывал неприятности кампании присутствию императора в лагере и его отсутствию в битвах, которые тот старался не начинать на близком расстоянии» (Boigne, 1986: 143). Эти слова, вложенные в уста Мортемара мемуаристкой, очень емко, хотя и в жесткой манере, резюмировали содержание его депеш, посвященных критике ведения войны на Балканском фронте в 1828 г.

5. Заключение

Подводя итог исследованию, можно утверждать, что за пять месяцев, проведенных при главной квартире русской армии, взгляд К. де Мортемара на ход военных действий претерпел изменения от сдержанного энтузиазма майских и июньских депеш до тревожного тона августовских и сентябрьских. Неожиданное отбытие царя в Одессу стало спусковым крючком для потока критических замечаний посла. Приверженец наступательной тактики Наполеона, Мортемар не скрывал ни от французских, ни от российских правящих кругов своего недовольства тем, как ведутся военные действия. В октябре, получив возможность присутствовать при капитуляции Варны, он укрепился в своем ощущении упущенных возможностей, ответственность за которые возлагал на Николая I.

На дипломатическом фронте Мортемар имел смелость пойти наперекор своему правительству, которое поручило ему добиваться самоустранения России от решения греческого вопроса. Вторая кампания, в ходе которой император, а вместе с ним и весь дипломатический корпус, включая Мортемара, остались в Санкт-Петербурге, подвела итог двум годам войны заключением Адрианопольского мирного договора, включившего статью об автономном статусе Греции. Отсутствие притязаний России на Константинополь делало честь проницательности посла, который призывал Лаферронэ не искать подвоха в заявлениях императора об умеренности его требований к Порте.

Вместе с тем дозволительно предположить, что разоблачения Мортемаром западных иллюзий относительно военной силы и ресурсов «северного колосса» могли в какой-то мере повлиять на вовлечение Франции в Крымскую войну. С другой стороны, можно усмотреть определенное влияние его рекомендаций в пользу быстрого натиска в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., хотя тогда, как и пятьдесятю годами ранее, потребовалась вторая кампания в силу недостаточной численности выставленных войск.

Литература

ВПР, 1992 – Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского министерства иностранных дел / Под ред. А. Л. Нарочницкого. Серия 2. Т. 15: январь 1827 г. – октябрь 1828 г. М.: Госполитиздат, 1992. 781 с.

Гончарова, 2017 – Гончарова Т. Н. Между Парижем и Санкт-Петербургом. Посольство Франции в России (1814–1848). Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2017. 318 с.

Дебидур, 1947 – Дебидур А. Дипломатическая история Европы. От Венского до Берлинского конгресса (1814–1878). В 2 т. Пер. с фр. М.: Государственное изд-во иностранной литературы, 1947. Т. 1. 482 с.

Жидкова, 2006 – Жидкова О. В. Русско-турецкая война и дипломатия России и Франции // Вестник РУДН. Серия «История России». 2006. № 3(7). С. 74–78.

Киняпина, 2001 – Киняпина Н. С. Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 192–201.

Орлик, 1998 – Орлик О. В. Россия в международных отношениях 1815–1829 гг. М.: Наука, 1998. 270 с.

- Татищев, 1887** – *Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая I. Санкт-Петербург: Тип. И. Н. Скороходова, 1887. 648 с.
- Фадеев, 1958** – *Фадеев А.В.* Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 396 с.
- Федосова, 1986** – *Федосова Е.И.* Дипломатия Франции на заключительном этапе восточного кризиса 20-х гг. XIX в. // *Новая и новейшая история.* 1986. № 6. С. 64-75.
- Шильдер, 1903** – *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. В 2 т. С.-Петербург: А. С. Суворин, 1903. Т. 2. 820 с.
- АМАЕ, 1828** – Archives du ministère des Affaires étrangères. Série “Correspondance politique: Russie”. 1828. Vol. 174: janvier–juillet. 365 f. Vol. 175: août–décembre. 381 f.
- Béarn, s.d.** – *Béarn H. de.* Quelques souvenirs d’une campagne en Turquie, 1828. Paris, s.d. 277 p. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1527635c>
- Berthier de Sauvigny, 1963** – *Bertier de Sauvigny G. de.* La Restauration. Paris: Flammarion, 1963. 498 p.
- Boigne, 1922** – *Boigne, comtesse de.* Récit d’une tante. Mémoires de la comtesse de Boigne, née d’Osmond, publiés intégralement d’après le manuscrit original. En 5 tomes. T. III: De 1820 à 1830. Paris: Émile-Paul frères, éditeurs, 1922. 294 p.
- Bourgeois, 1933** – *Bourgeois E.* Manuel historique de politique étrangère. T. II. Les révolutions (1789–1830). 11e éd. Paris: Eugène Belin, 1933. 812 p.
- Bourgoing, 1904** – *Bourgoing P. de.* Le duc de Mortemart et le baron de Bourgoing. Souvenirs anecdotiques. Paris: Emile-Paul, 1904. 320 p.
- Capefigue, 1848** – *Capefigue J.-B.* Les diplomates et hommes d’État européens. Bruxelles: Meline, Cans et Cie, 1848. 636 p.
- Chateaubriand, 1910** – *Chateaubriand F.-R.* Mémoires d’outre-tombe. Texte établi par Edmond Biré. Paris: Garnier, 1910. Т. 5. 327 p.
- Couderc, 2015** – *Couderc A.* L’Europe et la Grèce, 1821–1830. Le Concert européen face à l’émergence d’un État-nation // *Bulletin de l’Institut Pierre Renouvin.* 2015/2. № 42. Pp. 47-74.
- Driault, 1925** – *Driault E. et Lhéritier M.* Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. En 5 tomes. Т. 1. L’insurrection et l’indépendance (1821–1830). Paris: Les Presses Universitaires de France, 1925. 474 p.
- Frémeaux, 2014** – *Frémeaux J.* La Question d’Orient. Paris: Fayard, 2014. 614 p.
- Goncharova, 2020** – *Goncharova T. N.* “Objective Ally” of Russia in 1812: the Disastrous Results of Abbe de Pradt’s Mission in Warsaw // *Bylye Gody.* 2020. Vol. 56. Is. 2. P. 583–594.
- Lettres, s.d.** – Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode 1760–1850. Extraits de ses archives, publiés et annotés avec une introduction par le comte A. de Nesselrode. Paris: A. Lahure, s.d. Т. VII: 1828–1829. 310 p.
- Moltke, 1854** – *Moltke.* Campagnes des Russes dans la Turquie d’Europe en 1828 et 1829. Traduit de l’allemand par A. Demmler. Paris: J. Dumaine, 1854. 224 p.
- Sorel, 1883** – *Sorel A.* L’alliance russe et la Restauration // *Essais d’histoire et de critique.* Paris: E. Plon et Cie, 1883. Pp. 98-116.
- Valbert, 1877** – *Valbert G.* La guerre russo-turque en 1828 et en 1877 // *Revue des Deux Mondes.* 1er novembre 1877. Vol. 24. № 1. P. 212–222.

References

- АМАЕ, 1828** – Archives du ministère des Affaires étrangères. Série “Correspondance politique: Russie”. 1828. Vol. 174: janvier–juillet. 365 f. Vol. 175: août–décembre. 381 f.
- Béarn, s.d.** – *Béarn, H. de.* (s.d.). Quelques souvenirs d’une campagne en Turquie, 1828. Paris, 277 p. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1527635c>
- Berthier de Sauvigny, 1963** – *Bertier de Sauvigny, G. de.* (1963). La Restauration. Paris: Flammarion, 498 p.
- Boigne, 1922** – *Boigne, comtesse de.* (1922). Récit d’une tante. Mémoires de la comtesse de Boigne, née d’Osmond, publiés intégralement d’après le manuscrit original. En 5 tomes. Т. III: De 1820 à 1830. Paris: Émile-Paul frères, 294 p.
- Bourgeois, 1933** – *Bourgeois, E.* (1933). Manuel historique de politique étrangère. Т. II. Les révolutions (1789–1830). 11e éd. Paris: Eugène Belin, 812 p.
- Bourgoing, 1904** – *Bourgoing, P. de.* (1904). Le duc de Mortemart et le baron de Bourgoing. Souvenirs anecdotiques. Paris: Emile-Paul, 320 p.
- Capefigue, 1848** – *Capefigue, J.-B.* (1848). Les diplomates et hommes d’État européens. Bruxelles: Meline, Cans et Cie, 636 p.
- Chateaubriand, 1910** – *Chateaubriand, F.-R.* (1910). Mémoires d’outre-tombe. Texte établi par Edmond Biré. Paris: Garnier, т. 5, 327 p.
- Couderc, 2015** – *Couderc, A.* (2015). L’Europe et la Grèce, 1821–1830. Le Concert européen face à l’émergence d’un État-nation. *Bulletin de l’Institut Pierre Renouvin.* 42: 47-74.

- Debidur, 1947** – *Debidur, A.* (1947). *Diplomatičeskaja istorija Evropy. Ot Venskogo do Berlinskogo kongressa (1814–1878)* [Diplomatic history of Europe. Holy Alliance from the Congress of Vienna to the Berlin Congress]. V 2 t. Per. s fr. Moskva: Gosudarstvennoe izd-vo inostranoj literatury, t. 1, 482 p. [in Russian]
- Driault, 1925** – *Driault, E. et Lhéritier M.* (1925). *Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. En 5 t. T. 1. L'insurrection et l'indépendance (1821–1830)*. Paris: Les Presses Universitaires de France, 474 p.
- Fadeev, 1958** – *Fadeev, A.V.* (1958). *Rossija i Vostočnyj krizis 20-h godov XIX veka* [Russia and the Eastern crisis of the 20s of the 19th century]. Moskva: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 396 p. [in Russian]
- Fedosova, 1986** – *Fedosova, E.I.* (1986). *Diplomatija Francii na zaključitel'nom jetape vostočnogo krizisa 20-h gg. XIX v.* [Diplomacy of France at the final stage of the eastern crisis of the 20s of the 19th century]. *Novaja i novejšaja istorija*. 6: 64-75. [in Russian]
- Frémeaux, 2014** – *Frémeaux, J.* (2014). *La Question d'Orient*. Paris: Fayard, 614 p.
- Goncharova, 2017** – *Goncharova, T.N.* (2017). *Mezhdunarodnyj posol'stvo Francii v Rossii (1814–1848)* [Between France and Saint-Petersburg. Embassy of France in Russia (1814–1848)]. Sankt-Peterburg: Izd-vo RHGA, 318 p. [in Russian]
- Goncharova, 2020** – *Goncharova, T.N.* (2020). “Objective Ally” of Russia in 1812: the Disastrous Results of Abbe de Pradt's Mission in Warsaw. *Bylye Gody*. 56(2): 583-594.
- Kinžapina, 2001** – *Kinžapina, N.S.* (2001). *Vneshnjaja politika Nikolaja I* [Foreign policy of Nicholas I]. *Novaja i novejšaja istorija*. 1: 192-201. [in Russian]
- Lettres, s.d.** – *Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode 1760–1850. Extraits de ses archives, publiés et annotés avec une introduction par le comte A. de Nesselrode. (s.d.)*. Paris: A. Lahure, t. VII: 1828–1839, 310 p.
- Moltke, 1854** – *Moltke* (1854). *Campagnes des Russes dans la Turquie d'Europe en 1828 et 1829*. Traduit de l'allemand par A. Demmler. Paris: J. Dumaine, 224 p.
- Orlik, 1998** – *Orlik, O.V.* (1998). *Rossija v mezhdunarodnyh otnošenijah 1815–1829 gg.* [Russia in international relations 1815–1829]. Moskva: Nauka, 270 p. [in Russian]
- Šil'der, 1903** – *Šil'der, N.K.* (1903). *Imperator Nikolaj Pervyj, ego žizn' i carstvovanie* [Emperor Nicholas the First, his life and reign]. 2 t. S.-Peterburg: A. S. Suvorin, 820 p. [in Russian]
- Sorel, 1883** – *Sorel, A.* (1883). *L'alliance russe et la Restauration. Essais d'histoire et de critique*. Paris: E. Plon et Cie, pp. 98-116.
- Tatišhev, 1887** – *Tatišhev, S.S.* (1887). *Vneshnjaja politika imperatora Nikolaja I* [The foreign policy of Emperor Nicholas I]. Sankt-Peterburg: Tip. I. N. Skorohodova, 648 p. [in Russian]
- Valbert, 1877** – *Valbert, G.* (1877). *La guerre russo-turque en 1828 et en 1877. Revue des Deux Mondes*. 24(1): 212-222.
- VPR, 1992** – *Vneshnjaja politika Rossii XIX i nachala XX veka: Dokumenty rossijskogo ministerstva inostrannyh del (1992)* [Foreign policy of Russia in the 19th and early 20th centuries: Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs]. Pod red. A. L. Naročnickogo. Serija 2. T. 15: janvar' 1827 g. – oktjabr' 1828 g. Moskva: Gospolitizdat, 781 p. [in Russian]
- Zhidkova, 2006** – *Zhidkova, O.V.* (2006). *Russko-turečkaja vojna i diplomatija Rossii i Francii* [Russian-Turkish war and diplomacy of Russia and France]. *Vestnik RUDN, Serija «Istorija Rossii»*. 3(7): 74-78. [in Russian]

Малоизвестный источник по истории Русско-турецкой войны 1828–1829 гг.: французский посол К. де Мортемар на Балканском фронте

Татьяна Николаевна Гончарова ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В ходе Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., ставшей завершающим этапом Восточного кризиса, спровоцированного греческой борьбой за независимость, императорский кабинет воспринимал Францию как державу, на поддержку которой мог рассчитывать ввиду враждебности Англии и Австрии. Назначенный послом в Россию генерал Казимир де Мортемар получил приказ отправиться на Балканский фронт, где находился император Николай I. Он провел там пять месяцев и написал 32 депеши, которые до сих пор не привлекли к себе пристального внимания историков. Не ограничившись простым наблюдением, Мортемар комментировал просчеты верховного командования, которые не позволили реализоваться надеждам французского правительства на быструю победу русских над Турцией. По мнению посла, отсутствие

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: t.goncharova@spbu.ru (Т.Н. Гончарова)

наполеоновского напора в проведении военных операций негативно сказывалось на общем духе армии. Усомнившись в реальных силах и ресурсах «северного колосса», он предостерегал свое правительство от иллюзий. Как дипломат, он занимал более твердую позицию, чем французское правительство, не желая идти на поводу у британских притязаний на то, чтобы устранить Россию из решения греческого вопроса, оставив ей лишь урегулирование ее частных претензий к Турции. Таким образом, анализ дипломатической переписки Мортемара раскрывает его как посла, который одновременно примерял на себя и роль главнокомандующего русской армии, и роль французского министра иностранных дел, что придает дополнительный интерес его суждениям.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1828–1829 гг., Балканский фронт, Казимир де Мортемар, посольство Франции, депеши.